

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Англискомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. ст.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ V.—N 16 й NEW YORK, 323 SECOND AVENUE 15 — 28 Августа 1901 г.

НѢКОТОРЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ почерпнутыя изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова.

Блаженъ, кто будетъ упражняться въ сихъ наставленіяхъ; и кто положитъ ихъ на сердце; тотъ сдѣлается мудрымъ; а если будетъ исполнять, то всевозможетъ, ибо свѣтъ Господень — путь его (50 гл. 30—31 ст.).

Объ угожденіи Богу: всей душой благоговѣй предъ Господомъ, и уважай священниковъ Его; всею силою люби Творца твоего и не оставляй служителей Его. Давай имъ часто, какъ заповѣдано, и не являйся предъ лице Господа съ пустыми руками, ибо все это — по заповѣди; давай Всевышнему по даянію Его и не уменьшай даровъ: Господь есть воздаятель. Но не надѣйся на неправедную жертву: если она

отъ неправеднаго стяжанія, то приношеніе насмѣшливое, и не благоволитъ Господь къ приношеніямъ нечестивыхъ и множествомъ жертвъ не умилоствивляется о грѣхахъ ихъ. Благоугожденіе Богу—отступленіе отъ зла и уклоненіе отъ неправды. И какую пользу получить тотъ человѣкъ, который постится и смиряется, а замъ послѣ продолжаетъ грѣхи свои? Кто услышитъ молитву его? (VII, 33; XXXIV, 18-19, 26; XXXV, 3-4, 9-12).

Не медли обратиться къ Господу и не откладывай со дня на день, ибо внезапно найдешь гнѣвъ Господень. Не говори: „я грѣшилъ, и что мнѣ было“? ибо Господь долготерпѣливъ. При мысли объ умилоствивленіи не будь безстрашенъ, чтобы прилагать грѣхъ ко грѣхамъ; и не говори: „милосердіе Его велико, Онъ проститъ множество грѣховъ моихъ“, ибо милосердіе и гнѣвъ у Него, и на грѣшникахъ пребываетъ ярость Его. Покажи свое обращеніе еще при возможности грѣшить, и не откладывай оправданія до смерти (V, 4-9; XVIII, 21-22).

Если ты согрѣшилъ, не прилагай болѣе грѣховъ, а о прежнихъ молись; бѣги отъ грѣха, какъ отъ змѣи, ибо если пойдешь къ нему, онъ ужалитъ тебя,—зубы его—зубы львиные, которые умерщвляютъ людей. Путь грѣшниковъ гладко вымощенъ камнями, но на концѣ его—пропасть ада. Сборище беззаконныхъ—куча пакли, и конецъ ихъ—пламень огненный (XXI, 1-3; 10-11).

Е. Т.

По поводу отвѣта графа Л. Н. Толстого Святѣйшему Синоду.

Въ послѣднемъ номерѣ Церковнаго Вѣстника помѣщена слѣдующая статья Высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита Петербургскаго и Ладожскаго, по поводу извѣстнаго отвѣта графа Л. Н. Толстого Святѣйшему Синоду.

„Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пущенный графомъ въ публику отвѣтъ его Синоду появился, наконецъ, съ небольшимъ и несущественнымъ сокращеніемъ въ печати (Миссіонерскій Обзоръ, июнь, стр. 806—814). Возможно стало сказать теперь по поводу его нѣсколько словъ.

„Въ своемъ отвѣтѣ графъ, въ сущности, вполне подтверждаетъ справедливость постановленія о немъ Синода, хотя и дѣлаетъ противъ него нѣкоторыя возраженія. Возраженія эти отлично разобраны въ трехъ прекрасныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Миссіонерскій Обзоръ“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ и принадлежа-

Concerning the reply of Count L. N. Tolstoj to the Synod.

The Count's reply to the Synod, which he spread amongst the public as early as April, has appeared at last in print, with a few unimportant passages left out (Missionary Review, June, 806—814). And so it is possible now to say a few words with regard to it.

So far as the heart of the matter is concerned, in his reply, the Count fully confirms the justice of the Synod's edict, though trying to repudiate it. These repudiations are very well analyzed in three excellent articles, which were printed in the Missionary Review together with the reply and which belong to: a) the Rector of the St. Petersburg Academy the Bishop Sergius, b) to V. M. Skvorzoff and c) to M. A. N.-ff.

In one of his repudiations, the Count Tolstoj in rather a barefaced manner, calls false the statement of the Synod, that the Church made attempts to bring him to reason, attempts which however, were not

щихъ: а) ректору здѣшной Академіи епископу Сергію, б) В. М. Скворцову и в) М. А. Н—ву.

„Въ одномъ изъ этихъ своихъ возраженій графъ Толстой съ беззастѣнчивою смѣлостію называетъ лживымъ утвержденіе Снуда, что въ отношеніи къ нему со стороны Церкви были дѣлаемы попытки его вразумленія, не увѣнчавшіяся, однако, успѣхомъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ и еще въ брошюрѣ московскаго протоіерея І. Соловьева П о с л а н і е С в. С и н о д а о г р а ф ѣ Л ь в ѣ Т о л с т о м ѣ, въ опроверженіе этого обвиненія сдѣланы вполне вѣрныя указанія. Я же въ настоящей замѣткѣ хочу лишь дополнить эти указанія свидѣтельствомъ лица сторонняго, къ числу „церковниковъ”, въ смыслѣ Толстовскомъ, совсѣмъ не принадлежащаго. Разумѣю печатаемое ниже письмо ко мнѣ графа Владиміра Бобринскаго. Графъ Бобринскій мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ, и письмо свое написалъ ко мнѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго имъ отвѣта Снуду графа Толстого. Недавно я испросилъ разрѣшеніе обнародовать это письмо. Все согласіе на это графъ Бобринскій выразилъ въ своемъ второмъ ко мнѣ письмѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„„Если вы, владыко, найдете нужнымъ для пользы Церкви сослаться на мое письмо и даже опубликовать его, то я и на это вполне согласенъ, такъ какъ это согласіе есть долгъ мой предъ Св. Церковію, которая особенно мнѣ стала дорога по прочтеніи грубыхъ и необстоятельныхъ нападокъ Льва Николаевича”.” (Письмо отъ 12 іюня, изъ Богородицка, Тульской губ.).

„Во имя долга предъ правдой и Церковію, и я призналъ нужнымъ обнародовать это письмо, чтобы подтвердить неправду графа Толстого. Вотъ текстъ этого письма:

successful, The above mentioned articles and also a pamphlet of the Reverend I. Solovioff of Moscow make perfectly correct statements in regard to this accusation. And in the present note I also mean to amplify these statements by the testimony of a stranger, who from Count Tolstoi's point of view, can not be classed with the „Church men”: I mean the letter Count Vladimir Bobrinsky wrote to me and which I insert further down. Count Bobrinsky is a perfect stranger to me, and the motive of his writing to me was the depressed state of mind caused in him by the reply of Count Tolstoi to the Synod. Recently I have obtained his permission to publish this letter. Count Bobrinsky expressed his permission in a second letter in the following words:

Your Eminence Right Reverend Sir,

„If Your Eminence find it useful for the good of the Church to refer to my letter and even to publish it, I give to it my full consent, as this consent is my duty to truth and to the holy Church, which has grown especially dear to me since I read the coarse and groundless attacks of Leo Nicolaevich (dated 12 June, Begoroditsk, govern. of Tula).

In the name of duty to truth and the Church I also deem it necessary to publish this letter in order to confirm the untruth of Count Tolstoi. Here is the letter:

Last night I read Count Tolstoi's reply to the Synod, which now is circulated amongst the public, and from the first lines I was painfully struck by the statement of Leo Nicolaevich that the Church never took any measures of persuasion towards him. Leo Nicolaevich goes as far as to call false the statement the Synod makes concerning it. The nature of this hard reproach being so grave, I deem it my duty

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Аргументъ!

„„Вчера вечеромъ я прочиталъ ходящій по рукамъ отвѣтъ графа Л. Н. Толстого на посланіе Синода, и въ первыхъ строкахъ меня болѣзненно поразило заявленіе Льва Николаевича о томъ, что Перковію не принималось никакихъ мѣръ увѣщанія по отношенію къ нему. Левъ Николаевичъ даже называетъ лживымъ утвержденіе о семъ Синода.

„„Въ виду этого рѣзкаго и серьезнаго, по существу дѣла, упрека, я считаю долгомъ своимъ сообщить Вашему Высокопреосвященству то, что я слышалъ отъ самого гр. Л. Н. Толстого по данному вопросу:

„„Около года тому назадъ я былъ у Льва Николаевича и, зная, что его нѣсколько разъ посѣтилъ въ Ясной Полянѣ священникъ Тульской тюрьмы, я, между прочимъ, спросилъ его, какое на него произвѣлъ впечатлѣніе этотъ священникъ. Въ отвѣтъ Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что тюремный священникъ, повидимому, вполне хорошій и искренно вѣрующій человѣкъ, и что онъ съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдуетъ, но удовольствіе это для него отвлекается сознаніемъ, что онъ присылается нашимъ архіереемъ для его увѣщанія. Я рѣшаюсь о семъ сообщить Вамъ не изъ полемическихъ цѣлей, а ради правды. Еслибы я умолчалъ, то совѣсть мучила бы меня, и я постоянно чувствовалъ бы, что убоился генія и всемірной славы великаго писателя и не исполнилъ своего долга для возстановленія истины.

„„У васъ, Владыко, вѣроятно, имѣется много вѣскихъ доказательствъ по вопросу, котораго я коснулся, но мнѣ кажется, что приводимое мною свидѣтельство самого Льва Николаевича имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Это обстоятельство извинить меня за непо-

to let Your Eminence know what I heard on the subject from Count L. N. Tolstoi myself.

About a year ago I was with Leff Nicolaevich, and, knowing that the priest of the Tula penitentiary had been visiting him several times in Yasnaya Poliana, I asked him what sort of an impression their priest made on him. To which Leo Nicolaevich replied that the penitentiary priest evidently is a perfectly good man and very sincere in his faith and that talking to him gives him great pleasure, but that this pleasure is marred by the consciousness that he is sent by the Bishop for his persuasion. I have made up my mind to inform you about it not with a polemical object, but for the sake of truth. Did I keep silent, my conscience would have reproached me, and I would have always felt that, overawed by the genius and universal fame of a great writer, I did not fulfil my duty in reestablishing truth.

Your Eminence are probably in possession of many weighty proofs in regard to the question I am touching upon, but it seems to me, that, in this case, the testimony of Leo Nicolaevich himself I speak of, has great importance. In this circumstance I find my excuse in addressing the First Priest of the Russian Church in a direct and unsolicited way.

I make it my duty to state, that I made free to touch upon the case of L. N. Tolstoi only because of their writer's case being a fortunate exception, with regard to the absence of penitentiary measures on the part of the governing powers.

Soliciting your holy blessing, I remain the humble servant of your Eminence

COUNT VLADIMIR BOBRINSKY.
Moscow, April 23, 1901.

The positive part of Count Tolstoi's reply, the declaration of his faith, is read with horror and a profound pity for him. The

средственное и непрошенное обращеніе мое къ предстоятелю Русской Церкви.

„,Считаю долгомъ оговориться, что я позволилъ себѣ коснуться дѣла Л. Н. Толстого лишь въ виду счастливаго исключенія, въ которомъ находится этотъ писатель въ смыслѣ отсутствія карательныхъ мѣръ со стороны властей.

„,Испрашивая себѣ святигельскаго благословенія, остаюсь вашего Высокопреосвященства, милостиваго Архипастыря, покорный слуга

„Графъ Владиміръ Бобринскій”.

Москва, 23 Апрѣля
1901 года”.

„Положительная часть отвѣта графа Толстого, изложеніе его вѣры, — читается съ чувствомъ ужаса и глубокаго къ нему сожалѣнія. Исторію о воплощеніи Христа, ученіе объ Искупленіи и признаніе Христа Богомъ графъ Толстой считаетъ „величайшимъ кощунствомъ”, значитъ — зачеркиваетъ совсѣмъ христіанство. Когда я прочиталъ все это, прочиталъ еще сдѣланное мнѣ сообщеніе о его заявленіи, что „еслибы ему разрѣшили напечатать всѣ его сочиненія о религіи, то отъ православной Церкви въ короткое время остались бы одни клочья”, меня объялъ страхъ за этого несчастнаго человѣка. Пронеслась предѣ мыслью моею личность Юліана Отступника, хотѣвшаго стереть съ лица земли ученіе Христа, изъ Бога развѣнчаннаго имъ въ простаго человѣка Галилеянина, вспомнились его конечная гибель и историческій позоръ, прозвучали слова пророчества Исаіина на царя Вавилонскаго: „на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престоль мой, буду подобенъ Вышнему”... и это пророческое *memento*: „нынѣ же во адъ снидещи и во основанія земли”... Отъ безумнаго богохульства графа сердце мое болѣзненно сжалось. Вѣдь это Богоборство

story of Christ's incarnation, the teaching of atonement and the proclamation of Christ's divinity, Count Tolstoi considers „the greatest blasphemy”, which means he destroys Christianity: witness the report to me about his announcement that were he allowed to print all his works on religion, in a short time „there would be nothing left of the Russian Church, except shreds and pieces”. My thought recalled the personality of Julian the Apostate, who wanted to banish from the face of the earth the teaching of Christ, whose divine crown he took from Him to make Him an ordinary man from Galilee; I thought of his final destruction and his historical shame, I heard once more the words of Isaiah's prophecy about the king of Babylon: „I will ascend into heaven, I will exalt my throne above the stars of God,... I will be like the most High”, and also this prophetic *memento*: „Yet thou shalt be brought down to hell, to the sides of the pit”. The mad blasphemy of the Count oppressed my heart with pain. It is fighting God indeed and declaring war on Christ himself, Son of the living God, Judge of the living and the dead! I read words of St. Paul, which until now I always read with perplexity: „If any man love not the Lord Jesus Christ let him be Anathema, Maran—atha (I Cor. XVI, 22), suddenly received a certain clearness for me. Yes whosoever denies the Lord Jesus Christ, does not love Him. Whosoever denies Christ, is also denied by Christ (Matthew, X, 33, 2; Timothy II, 12). The denial of Christ, as God, accompanied by the statement, that acknowledging His divine dignity is a blasphemy, amounts, in reality, to anathematizing Him, and is at the same time a sort sort of self-anathematizing, excommunicating oneself from God, depriving oneself of the life of God, of the Spirit of God. „No man speaking by the Spirit of God calleth Jesus accursed, and no man can say

и объявленіе войны Самому Христу, Сыну Бога Живаго, Судии живыхъ и мертвыхъ!.. Всегда съ недоумѣніемъ читавшіяся мною доселѣ грозныя слова апостола Павла: „Кто не любитъ Господа Иисуса Христа, анаѣма, маран-афа’ (1 Кор. XVI, 22), вдругъ какъ-то прояснились для меня. Да, кто отрекся отъ Господа Иисуса Христа, тотъ не любитъ Его. Кто отрекается отъ Христа, отъ того и Христосъ отрекается (Матѣ. X, 23; 2 Тимое. II, 12). Отреченіе отъ Христа, какъ Бога, съ утвержденіемъ, что признавать Его Божественное достоинство есть кощунство, равносильно, въ сущности, произнесенію на Него анаѣмы, и есть въ то же время, какъ бы самоанаѣматствованіе, отлученіе себя отъ Бога, лишеніе себя жизни Божіей, Духа Божія. „Никто не можетъ пазвать Иисуса Господомъ, говорить апостоль, какъ только Духомъ Святымъ, и никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не произнесетъ анаѣмы на Иисуса” (1 Кор. XII, 3).

„Графъ же К. Н. Толстой такую анаѣму произнесъ. Не духомъ Божіимъ, очевидно, говоритъ онъ.

МИТРОПОЛИТЪ. АНТОНІЙ.

1901 г. іюня 30.

Thoughts of an Orthodox Bishop on reading the confession of Count Tolstoi.

Can one consider Count Tolstoi as belonging into the Orthodox Church and believing the Orthodox way, after this new confession? If until now anybody was doubtful or uncertain on this point, now all these doubts must be scattered. Not only does Count Tolstoi, in a conscious and definite way, deny the the very fundamental dogmas of Christianity, not only does he deny and condemn the Russian Church and its Sacra-

that Jesus is the Lord, but by the Holy Ghost” (I Cor. XII, 3).

And Count L. N. Tolstoi has pronounced this anathema. It evident it is not by the Holy Ghost he is speaking.

METROPOLITAN ANTONIUS.

30 June, 1901.

ments and represent all church life and practice as a sort of net-work of lies, deceit and coarse superstition but he has also consciously given up the Church, enjoining his relations neither to get for him the last absolution nor to bury him in the Orthodox way (as it is known, his Eminence the Metropolitan of St. Petersburg also supposed, in his reply to the letter of the Countess, that the Count had no wish to be buried in the Orthodox way). About the Count leaving the church there could not be two opinions, and the Count acknowledges it. Moreover, knowing the teaching of Count Tolstoi and the fact that this teaching is universally known and is attracting attention if not followers, did the Holy Synod have the right to remain indifferent, to allow the true sons of the Church to be tempted, to lose faith in the Church? Did the Holy Synod have the right to allow that the orthodox burial rites should be performed on his death over a man as universally known as the Count, giving rise to unrighteous derision amongst the enemies of the Church and to perplexity and temptation amongst the believers? We repeat there could be no difference of opinion on this subject. By publishing the edict, not only did the Holy Synod use its inalienable and perfectly natural right, but it also has performed a pressing duty, the performance of which it could not decline. God grant, that henceforward also our Mother Church should proclaim her Credo before the face of the world, with

as much firmness and courage, professing her belief in herself and her Divine callings.

Agreeing *) in the main with the edict about his having given up the Church, Count Tolstoi doubts the adequacy of the edict and also repudiates some of its secondary statements and thoughts. First of all, it seems to him, it is unjust to excommunicate him personally, when there are many people, who declare their unbelief in talk letters and print and whom no one ever thinks of denouncing as having fallen from the Church. And as if foreseeing that the answer to this will be, that he, Count Tolstoi, a writer of universal fame, whose word is listened to, whose works are translated in all languages almost the moment they appear in Russian, could not be com-

pared to the small beer of literature and talk, the Count adds, that he has few followers, that the spread of his works is insignificant. One cannot agree with this. Even if there are few true and sincere followers of Tolstoi, still his teaching, in its main points at least, is known everywhere, where the name of Tolstoi known, and this name is known to all the reading world. Even if at present this name is not known in Russia to the illiterate masses, this state of things cannot go on forever. There will be a time, when everybody will be able to read and this must be kept in view, in order to shelter the future generations, from temptation. The especial reason of Count Tolstoi's fame is the reason why the church decided to resort to its right of excom-

(* A REPLY TO THE EDICT OF THE SYNOD from 20-22 February and to the letters received by me on the subject.

„He who begins by loving Christianity better than truth, very soon proceeds to love his own Church or sect better than Christianity and ends in loving himself better than all“.

Coleridge.

At first I thought I would not reply to the edict of the Synod against me, but this edict was the cause of very many letters, from correspondents, unknown to me, some of whom blame me for denying what I do not deny, others try to persuade me to believe in what I never stopped believing in, yet others tell me they share my way of thinking, which is hardly so in reality, and express a sympathy to which I have no right. And so I have decided to reply both to the edict itself, pointing out what is unjust in it, and to the remarks of my unknown correspondents.

The edict of the Synod, generally speaking, has many defects. It is not legal, it is intentionally obscure, it is arbitrary, it has no foundation, it is untruthful, and besides, it contains a libel and an incitement to evil feelings and acts.

It is illegal and intentionally obscure because, if it purports to be a church excommunication, it is not in accordance with those of the church rules, which allow such an excommunication to be pronounced. But if it is a mere announcement of the fact, that he, who does not believe in the church and its dogmas, does not belong to it, it goes without saying, and such an

announcement can have no other object, than to look like an excommunication, without really being one, precisely what has happened, because this was the way to understand it. It is arbitrary, because it accuses only myself of disbelieving the point, mentioned in the edict, when not only many of the educated people, but almost all of them share this disbelief, and have constantly expressed it and still express it in conversations, reading, pamphlets and books.

It has no foundation, because it points to the great spread of my corrupting heresy, as the chief cause of its appearance when it is well known to me, that there exist hardly one hundred people, who share my point of view and that the spread of my works on religion is so insignificant, owing to the censorship, that most of the people who have read the edict of the Synod, have not the smallest notion what I did actually write about religion, which is clearly demonstrated by the letters I have received.

It contains an evident untruth as it says that the Church did make attempts to persuade me, attempts which were not successful. Nothing of the kind has ever taken place.

In itself it represents what in legal language is called a libel, as it contains consciously unjust statements, which tend to harm me.

Lastly it is an incitement to evil feelings and acts, for it has called forth from unenlightened people, who are not used to reasoning, anger and hatred towards me, which go as far as threatening murder and are expressed in letters received by me. One writes: „Now that anathema has been pronounced over you, you will go to eternal torture, after death, and you will die like

munication, which it has not practised for a long time. Such is the usage of the Church ever since it was established. Making a concession to human meanness, the church pronounced the anathema only in extreme cases, when the scandal was extreme and when there was no hope of setting the man right in any other way. In doing so, the Church did only what had solid foundation and was logical. It always remembered that the final destiny of man did not depend on a „piece of written or printed paper”, not even on the Church excommunication itself, but on the interior severance of people from the source of life and truth, of which the Church excommunication is merely the acknowledgment. Accordingly, even in case some decaying mem-

dog... you, old devil., be accursed!!” Another reproaches the government for not having clapped me into a monastery before this, and fills his letter with coarse abuse. A third writes: „If the government does not take you out of the way, we ourselves shall force you to silence.” The letter ends with curses. A fourth writes; „To annihilate you, blackguard, I shall find means...” there follow indecent abuse. I have seen signs of the same wrath at meeting people in the streets, ever since the appearance of the Synod's edict. On 25 of February, the very day when the edict was published, going through a public place, I heard: „here is the devil in the shape of a man”, and were the crowd composed differently, they would have beaten me, as, a few years ago, they have beaten a man near to St. Panteleymon's Chapel.

And so the edict of the Synod, in general, is very bad. And the fact that the people who signed it, are so sure of being right, that they pray God should make me like them, for my good, does not make it any better.

All this in general. As to the details the edict is unjust in the following; the edict says: „Count Tolstoj, a writer of universal fame, Russian by birth, and Orthodox by baptism and education, has impertinently revolted against the Lord and His Christ and His Holy possession, deluded by the pride of his intellect, and has openly renounced the Orthodox Mother Church, which has fed and bred him”.

That I have renounced the Church, which calls itself Orthodox, is perfectly true.

But I renounced it, not because I have revolted it against the Lord, but quite the contrary, because I

ber should remain in the community of the faithful, whether because of the carelessness of the heads of the Church, or because of their condescension being too great, this member could not hide from the invisible judgment of God, neither could he harm the holiness of the body of Church. On the other hand, in its essence, the instrument of punishment, it has never been a sort of revenge on the sinner for the sin committed. „Mine is the revenge and I shall repay”, says the Lord and the Church remembers these words better than anybody. And so the Church anathema always had in view either the correction of the sinner, or else, if this could not be expected, it was the means of informing the Church community as to the birth of some

wished to serve Him with all the powers of my soul. Before giving up the Church and union with the nation, which was inexpressibly dear to me, when in doubt, owing to certain signs, whether the Church was right. I consecrated several years to the theoretical and practical investigation of the teachings of the Church. Theoretically, I have read all I could concerning the teachings of the Church, I have studied and critically analyzed dogmatic theology, practically, during more than a year I fulfilled all the prescriptions of the Church, following all the fasts and all the church celebrations, and I have become convinced that, theoretically, the teaching of the Church is a treacherous and harmful lie, and practically—an accumulation of the coarsest superstitions and sorcery, which hides altogether the very essence of Christian teaching.

One only has to read the breviary and follow the rites, which are unceasingly performed by the clergy and are considered to be the Christian Divine Service, to see, that all these rites are nothing but various ways of sorcery, adapted to all circumstances of life. In order that a dead baby should go to heaven one must know the way to smear him with oil and bathe him, pronouncing certain words; in order that a woman, who has been confined, should be purified, one has to pronounce certain incantations; that an undertaking should succeed, that people should live in peace in a new house, that the harvest should be good, that the drought should stop, that sickness should be cured and that the state of a dead person should be bettered in the next world,—for all this and for thousands of other circumstances, there exist certain incantations, which are pronounced by the priest for a certain payment. I actually

new form of error, that the inexperienced should be guarded, and also it served as a proclamation of the faith of the Church. This is why the Church had recourse to this instrument only in exceptional cases, and we are dealing now with one of these exceptional cases.

The Count considers the edict of the Synod ill-advised also because it may incite evil thoughts and acts, of which he had seen examples. All the above may serve as an answer to this apprehension. Let us use the words of Count Tolstoi himself: „Seeing a Choowash smearing his idol with sour cream or whipping it, I may pass by, without offending his belief, because he does it in the name of a superstition which is alien to me, which does not touch anything that I hold sacred”. The Church as well would have passed Count Tolstoi by, if his preaching did not touch the most precious property of the Church, if its object were not the undermining of the most

have renounced the Church, I have given up fulfilling its rites and have written in my will that my relations should not admit any of the church's servants to my death-bed and that my dead body should be taken out of the way, just like any other disgusting object, that it should not be a nuisance to the living.

And as to the statement, that I have consecrated my literary activity and the talent, amongst the masses, God has endowed me with, to the spread, of teachings opposed to Christ and the Church etc., and that I „in my works and letters, scattered in great numbers by myself as well as by my disciples all over the world and especially in the precincts of our dear country, preach, with the zeal of a fanatic, the downfall of all the dogmas of the Orthodox Church and of the very essence of the Christian faith...”—it is not true. I have never taken any pains to spread my teaching.

It is true, that, for my own use, I have expressed my interpretation of the teachings of Christ in various works, and never concealed them from people who wished to become acquainted with them, but I personally have never published them. I have spoken of my understanding of the teachings of Christ only when people questioned me on the subject.

To these people I spoke what I thought and have lent my books when I chanced to have them. It is also

sacred treasure of the Church. But in the present case, the Church had to keep this treasure safe and to think of the thousands and millions of people who were threatened with losing it. Let this act of the Church „offend, hurt and scandalize some people, let it be in the way of some things or some people, or let it be disliked by some people”, let some jealous but unreasoning members of the Church find in it a pretext for blamable conduct, the Church may be truly sorry for all this, but the possibility of such blamable conduct could not alter its own course of action, or that of the Count himself, were he to find himself in the same position.

Further on, the Count says that the edict is a what in the language of the law is called a libel, as it contains consciously unjust statements, which are capable of doing him harm. An example of these statements, perhaps, will be found in the Holy Synod ascribing to the Count a fanat-

stated, that I „deny God in the Holy Trinity, the Creator and Maker of the universe, whom we praise, also the Lord Jesus Christ, God-man, the Redeemer and Saviour of the world, who has suffered for the sake of us, men, and our salvation, and who was raised from the dead, also the immaculate conception of the human Lord Christ, and the virginity of the very Pure Mother of God, before and after His birth”. It is perfectly true that I deny the unexplainable Trinity, the fable about the fall of the first man and the story about God, who was born of a virgin and has redeemed the human race. But not only do I not deny God the Spirit, God, Who is Love, the only God, Who is the beginning of all, but there is nothing outside God the existence of which I acknowledge, and the only use of life I see is the fulfillment of God's will, as it is expressed in the Christian teaching.

It also says: „he does not admit the life on the other side of the grave and the law of retribution”. If by life on the other side of the grave is meant the second advent, hell with eternal tortures, the devils, and paradise with eternal bliss, it is perfectly true, that I admit of no such life on the other side of the grave. But as to the eternal life and retribution, here and everywhere, now and always, I admit them to such an extent, that standing now, because

ical zeal in the propaganda of his teaching. „This, says L. N., is unjust. I have never taken any pains to spread my teaching”. This statement of L. N. certainly, must strike the reader as a piece of very strange sophistry. He well knew, that especially of late all his writings, every line of them, will be printed and sold in thousands of copies? Maintaining, that for many years the Count Tolstoi never ceased preaching the destruction of all the dogmas of the Orthodox Church, with the true zeal of a fanatic, the Holy Synod, most assur-

of my age, on the edge of the grave, I often have to make efforts not to wish for a physical death, in other words for a birth into a new life, and also I believe that every good act of mine increases the bliss of my eternal life, and every bad act decreases it.

It is also stated that I deny all the Sacraments. This is perfectly true. I consider all the Sacraments as sorcery, both base and crude, which does not respond to the idea of God and the Christian teachings, and, moreover, I consider them as going against the most direct statements of the Gospel...*)

And so here you have what is just and what is unjust in the Synod's edict about me. I actually do not believe in what they say they do believe. But I do believe in much that they try to assert I do not believe in.

I believe in the following. I believe in God whom I understand as Spirit, as Love, as the beginning of all. I believe that the will of God is expressed in the clearest and most comprehensible way in the teaching of the man Christ, to take whom for God and to pray to whom I consider the greatest blasphemy. I believe that the true happiness of man consists in doing the will of God, and that His will is that men should love each other and, as a consequence, that they should act towards others, as they would have others act towards them. and, as it is stated in the Gospel, this is the whole law and the prophets. I believe that the whole meaning of every man's life consists in increasing the power of love in him, that this increase of love leads the man, in his present life, towards ever increasing happiness and that, after his death, it will give him the more happiness the more love there was in him; I also believe that this increase of love will help better than anything else the establishing of the Kingdom of

*) Here follows a gap of about 100 lines of our type. In them Count Tolstoi attacks the Sacraments of the Christian faith and Church, the sacred images, divine service, prayers etc. This passage does not make the thought of the Count any clearer, but it is so crude, that it was found impossible to print without offending the religious feeling of believers.

edly, means the general literary activity of the Count, without enquiring whether L. N. spoke to the masses and sent his manuscript to the printers in person, or whether that was done for him by his friends and admirers. He who gives a man poison, is certainly as guilty as he who composed the poison, knowing the poison will be given. Generally speaking, this passage of Count Tolstoi's letter seems unaccountable and gives rise to perplexity.

Just as unaccountable is that passage, in which the Count openly accuses the

Heaven in the world, that is to say the establishing of an order of life, in which the reigning discord, deception and violence will be replaced by free harmony, truth, and brotherly love amongst all people. I believe that there is only one means to succeed in love: prayer, not the public prayer in churches, which was directly forbidden by Christ, but that prayer, the example of which was given to us by Christ, the solitary prayer, which consists in establishing and increasing, in one's consciousness, the sense of one's life and of one's dependence on God's will alone.

My beliefs may offend, hurt and scandalize some people, they may be a stumbling block for some things and some people, but I can change them no more than I can change my body. I have to live alone and to die alone (and that very soon), and this I could not do in any other way, in accord with what I believe, preparing myself to go to that God, from Whom I have come. I do not say that my belief is the only undoubted truth for all eternity, but I do not see any other, any more simple and clear, that should satisfy better all the longings of my mind and heart. The moment I learn to know any other, I shall accept it, for God needs nothing but truth. But to return to that which I have just left, with so much suffering, would be as impossible for me as it would be impossible for a flying bird to return to the shell, which it has left.

„He who begins by loving Christianity better than truth very soon proceeds to love his own church or sect better than Christianity and ends in loving himself (his peace) better than all”, as says Coleridge.

I went the other way. I began by loving my orthodox Russian faith better than my peace of mind; then I loved Christianity more than my Church; now I love truth better than anything in the world. And to this day, for me, truth coincides with Christianity, as I understand it. I profess this Christianity and, in the measure I profess it, I live in peace and joy and approach death in peace and joy.

Leo Tolstoy.

4 April 1901, Moscow.

Synod of conscious and intentional lies, of „evident untruth”. This is concerning the „unsuccessful attempts to use persuasion”. „There never was anything of the kind”, unflinchingly declares the Count. Here is a misunderstanding difficult to explain. Priests did visit L. N. and did speak to him about religion. Some of these priests went to speak to him about religion, not on their own account, but being sent, with this special object, by the heads of the parish. The Count did converse with these priests and did impart the impression these conversations made on him to his friends later on. The Count knew the priests were sent to him by bishops, as for instance, the bishop of Tula, and confessed afterwards to his acquaintances, that the talk of the priest pleased him well, but that it was disagreeable to be conscious the priest

was sent to him by the bishop, with the object of remonstrance. We say this on the foundation of true facts. Then how is it that the Count maintains that the Church never made any attempts, that the Holy Synod speaks „evident untruth”. We would not think of answering an accusation of untruth by a similar accusation, but we do hold, that, in the name of truth, the Count L. N. ought to give us some sort of explanation in print or else to give to his assertion some indirect meaning. Perhaps, he thought, the Holy Synod meant direct attempts of the Holy Synod itself. Perhaps, he thought the local bishop had sent the priest, independently of the Synod. In any case, some explanation is necessary, because otherwise there will be a blot on the good name of the writer, both unaccountable and undesirable, for either side.

(To be concluded).

Путевой журналъ

Священника Іоанна Бортовскаго за 1900 годъ.

Кенай, Аляска.

(Продолженіе).

3. Понедѣльникъ. Въ 9 ч. утра часы съ послѣдованіемъ обѣдницы. Молящихся было около 30, всѣ сколько было на лицо въ селеніи. Послѣ службы повѣрялъ часовенныя дѣла: найдены въ лучшемъ порядкѣ; очевидно прошлогодній урокъ образумилъ старосту, — но доходность самая плачевная. Была въ Сушитно одна лавка, — часовня имѣла гораздо больше доходности; завелось три лавки, — доходность часовенная совсѣмъ упала. Часовня за весь годъ открывалась только два раза: въ Р. Христово и Крещеніе Господне, хотя зимоваль здѣсь и «нашъ Степанъ», которому вмѣнено было въ обязанность по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершать общія моленія въ часовнѣ, а дѣтей обучать Закону Божію, пѣнію и молитвамъ; но рѣшительно ничего не было; напро-

тивъ, дѣти забыли даже и то, что знали раньше. Хотѣлъ было мальчика Степана взять опять въ Кенайскую школу, чтобы онъ могъ тамъ доучиться и быть въ послѣдствіи въ своемъ же селеніи хотя-бы подобіемъ учителя и псаломщика и притомъ платнымъ, — но мать его, должно быть, по своему скудоумію, рѣшительно отвергла мое доброе предложеніе подѣлать якому-то предлогу, что онъ у нея единственный сынъ, а она-де стара и слаба (что не совсѣмъ справедливо), и потому-де некому будетъ таскать для нея дрова и воду (между тѣмъ селеніе со всѣхъ сторонъ окружено лѣсомъ, а вода чуть не подмываетъ дома). Цѣлый часъ я съ нею бился, но напрасно. Будучи поставленнымъ въ такое, болѣе чѣмъ неблагоприятное положеніе, я положительно теряюсь, что далѣе предпринимать для того, чтобы хоть сколько нибудь поднять уровень православія Сушитновцевъ. Всѣ мои надежды на Степана, какъ оказывается, рухнули самымъ неблагоприятнымъ образомъ; да и самъ Степанъ, очевидно,

не лучше своей матери. Одну зиму только /пербыль онъ въ Сушитно и уже съ трудомъ можно узнать прежняго Степана; оборвался, опошлился, облѣнился; словомъ, совсѣмъ одичалъ и главное потерялъ великую склонность къ ученію. Невольно приходится заключить, что жизнь Сушитновца съ его невѣжествомъ и косностью лучше по его нраву, ибо и онъ также, какъ и мать его, мое предложеніе продолжить ученіе въ любой школѣ въ Кенайской ли, или же въ Ситхинской, — тоже безумно отвергъ.

Въ 6 ч. вечера вечерня съ утреней, — свѣчей горѣло много. Молящихся была полна часовня, вслѣдствіе чего духота и жара ужасная. Въ концѣ службы была предложена бесѣда о нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленіяхъ, усмотрѣнныхъ мною въ жизни Сушитновцевъ.

4.. Въ 9 ч. утра часы съ послѣдованіемъ обѣдни. Тотчасъ же послѣ службы, въ часовнѣ общее собраніе мужчинъ всѣхъ Сушитновскихъ селеній. Бесѣда велась о тѣхъ дурныхъ, недостойныхъ христіанина, явленіяхъ, о которыхъ пришлось мнѣ узнать въ семь селеній, какъ то: частые споры и ссоры, доходившіе чуть не до драки, азартныя игры въ карты, попытки къ гонкѣ водки, похищеніе двумя парнями дѣвушки мѣдновки, непослушаніе тоену, малодоходность и неслуженіе въ часовнѣ, обсуждалось также дѣло касательно постройки новой часовни. По послѣднему вопросу собраніемъ было сообщено, что весь нужный матеріалъ для постройки новой часовни уже заготовленъ, и что поэтому послѣ запасенія рыбы будетъ приступлено къ самой постройкѣ. Приняли также къ должному соглашенію и во всемъ прочемъ.

Съ 3 часа дня 11 дѣтей крестилъ и 5 мурпомазывалъ: умерло же въ продолженіе года 2, слѣд. приростъ населенія на 14.

Съ 6 ч. вечера вечерня съ утреней. Послѣ службы исповѣдывалъ дѣтей школьнаго возраста, предваривъ сіе приличной случаю простою дѣтскою бесѣдою. Всего исповѣдниковъ набра-

лось въ сей разъ 37 чел. Спрашивалъ также молитвы; знаютъ: «Отче нашъ» и «Богородице Дѣво радуйся», и то не всѣ. Очень жаль, что такая масса дѣтей остается безъ должнаго наученія. Я же самъ лично ровно ничего не могу подѣлать, да при томъ и жизнь Сушитновцевъ сложилась очень не благопріятно для просвѣтительной дѣятельности ихъ: постоянныя броженія по горамъ и лѣсамъ со всѣми своими семействами, — главный тормозъ къ устройству правильной церковно-религіозной жизни. Только школа съ общежитіемъ можетъ вырвать ихъ дѣтей изъ кочевыхъ броженій и только въ такомъ случаѣ можетъ быть здѣсь правильно организована школа.

5. Среда. Съ 8 ч. утра — утреннее правило и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго. Св. Тайнами приобщены всѣ исповѣдники и болѣе 60 младенцевъ. По «Буди имя Господне» — послѣдованіе предъ исповѣдью для взрослыхъ. По отпустѣ — послѣдованіе по св. причащенію. Послѣ этого служилъ по заказу молебень Божіей Матери.

Съ 12 час. началъ исповѣдь. Съ ч. вечера вечерня съ утреней и вечернее правило. Послѣ службы продолжилъ исповѣдь. Всего было у исповѣди сего дня 88 чел., а со вчерашними 125.

6. Четвергъ. Съ 7 ч. утра — послѣдованіе предъ св. Причащеніемъ, водоосвященіе и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго. Во время водосвятія говорилъ приличное случаю поученіе. Св. Тайнами причастились всѣ исповѣдники. По «Буди имя Господне» — привѣтственное слово, благодарственныя молитвы и отпустъ. Послѣ сего — стпѣваніе.

Въ два часа вѣчалъ американца А. Мс. Сонауау и кычковскую кенайскую Мароу, — находящихся въ незаконномъ сожителствѣ уже болѣе 7 лѣтъ, что можно судить по старшей ихъ дѣвочкѣ, которой теперь идетъ уже 8-й годъ; всѣхъ же дѣтей у сей четы четверо. За совершеніе таинства онъ самъ ссудилъ меня 5 дол., а кенайцевъ всѣхъ угощалъ чаемъ.

Въ три часа состоялось собраніе членовъ Сушитновскаго св. Митрофановскаго братства, (23 чел.). Приводилъ въ порядокъ денежные дѣла; здѣсь въ братской кассѣ оставалось отъ прошлаго года 23 доллара. Вповѣ-же поступило членскаго взноса 20 д. 30 ц. Всего, слѣд., къ сегодняшнему числу въ Сушитновскомъ братствѣ находится наличными 43 д. 30 ц. Расходовъ не было. Сушитновцы также просили меня обратиться къ Аляскинскому Губернатору съ заявленіемъ, что они терпятъ большой недостатокъ въ рыбѣ, а отсюда каждую весну голодовка, и что главная причина этихъ прискорбныхъ явленій — наплывъ въ кенайскій заливъ рыбныхъ фабрикъ (въ данное время 3), которыя всевозможными приспособленіями вылавливаютъ почти всю рыбу. Точно таковыя же жалобы слышались и въ Кныкѣ. Заявленія сіи исполнѣ справедливы; вотъ, сегодня уже 6-19 Юля и рыбный сезонъ близится къ концу, между тѣмъ въ Сушитновскомъ селеніи поймано сегодня только 4 рыбы.

Въ 6 час. вечера оставилъ я это селеніе и спустился по устью рѣки. Здѣсь же прошла и ночь.

7. Пятница. Съ 9 час. утра съ отливомъ воды продолжаю путь. Въ Туюнакъ прибыли около 6 час. вечера. Здѣсь попалъ я въ самый разгаръ производства кенайцами юколы для себя и для продажи (нынѣ большою спросъ на юколу; вывозится на Юконъ и въ др. золото-промышленныя мѣста для кормленія бѣдовыхъ собакъ). Рыбы привалило множество, даже больше, чѣмъ нужно. Не много подальше отъ Туюнака въ селеній называемомъ «Чубутну» въ это лѣто основалась новая рыбная фабрика; по Туюнакскому побережью имѣютъ 4 садка и 60 чел. сѣдельщиковъ. Правительственныя затѣи касательно приведенія дороги на Юконъ черезъ Сушитно кончились ничѣмъ, такъ какъ это сопряжено съ большими неудобствами. Солдатскія постройки пустѣютъ. Солдаты и лошади перевезены въ Валдысъ (немного повыше Ну-

чека), откуда А. С. Ш. правительство нашло наиболѣе удобнымъ провести дорогу въ Юконъ. Нынѣ работы тамъ въ полномъ разгарѣ; посятся слухи, что имѣетъ быть проведена даже желѣзная дорога.

8. Кенайцы начинаютъ собираться. Въ 6 часовъ вечера — всенощное Богослуженіе. Молящихся было около 40 чел.

9. Въ девять часовъ утра водоосвященіе часы съ послѣдованіемъ обѣдницы (литургии не было за неимѣніемъ просфоръ). Въ свое время говорилъ поученіе на Евангельское чтеніе объ исцѣленіи разслабленнаго жилами. За Богослуженіемъ присутствовало также и одно американское семейство.

Послѣ службы повѣрялъ часовенныя дѣла. Здѣсь все оказалось въ надлежащемъ порядкѣ. Порядокъ и чистота въ часовнѣ образцовая. Кромѣ сего стараніями старосты заведены: новое прекрасное покрывало на престолѣ, а передняя часть часовни устлана ковромъ. Словомъ — старанія и дѣйствія Туюнакскаго старосты по часовнѣ заслуживаютъ признательности и самой искренней благодарности. Послѣ службы служилъ по заказу молебень Святителю Николаю. Въ ч. вечера вечерня и утреня.

10. Въ 9 ч. утра часы съ послѣдованіемъ обѣдницы. Послѣ службы муропомазывалъ трехъ младенцевъ. Умерло же нынѣ всего съ младенцами 9 чел. (отъ инфлюенціи).

11. Въ 9 ч. утра — часы съ послѣдованіемъ обѣдницы. Послѣ службы дѣлалъ общее собраніе въ часовнѣ же; убѣждалъ прекратить фабрикацію какого то кенайскаго пива (макула) и оставить картежную игру. По поводу «макулы» и о томъ, какъ кенайцы безобразничаютъ, когда они бывають подъ вліяніемъ сей то макулы — поступило заявленіе со стороны Американцевъ, зимовавшихъ въ Туюнакѣ. Къ глубокому сожалѣнію оказалось еще, что маститый Туюнакскій тоень Петръ болѣе всѣхъ подвизался на семъ поприщѣ. Благословенной грамоты я, конечно, ему не передалъ (оставилъ до

будущаго года), но помимо сего тутъ же въ часовнѣ предъ всею его «командой» сдѣлалъ ему еще строгій выговоръ. Результатомъ сего собранія было то, что самъ тоень и его подчиненные дали повидимому крѣпкое обѣщаніе оставить производство макулы и ограничить картежничество.

Послѣ собранія служилъ по заказу молебень св. Николаю.

Съ часу послѣдованіе предъ исповѣдью, которое было предварено соответственною сѣсѣдою и затѣмъ исповѣдь.

Въ 6 ч. в — вечерня съ утреней и вечернее правило готовящимся. Затѣмъ, была продолжена исповѣдь. Всего было у исповѣди (6 чел.; нѣкоторые же изъ вуюракскихъ (около 10 чел.) изъявили желаніе говѣть въ Кенаѣ къ празднику Успенія Божіей Матери.

12. Среда. Съ 8 ч. утра — утреннее правило предъ св. Причастіемъ, Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, благодарственные молитвы и отпустъ. Св. Тайнами приобщены всѣ исповѣдники и до 30 младанцевъ. По «Буди имя Господне» говорилъ поученіе о томъ, какъ должно держать себя христіанину, чтобы удостоиться быть причастникомъ жизни вѣчной. По совершеніи Божественной литургіи отпѣваль умершихъ въ продолженіе истекшаго года.

Въ часъ вѣнчалъ одинъ бракъ.

Въ два часа состоялось братское собраніе.

Здѣсь братскія дѣла оказались въ порядкѣ. Денегъ найдено на лицо 26 дол. 10 цент. Кромѣ сего братство оказывало не малую вещественную помощь своимъ заболѣвшимъ братчикамъ, на каковой предметъ израсходовано въ продолженіи зимы 18.00 Тутъ же перелалъ имъ 10 долларовъ, пожертвованныхъ нашимъ благостнѣйшимъ Владыкою, Преосвященнымъ Тихономъ. Братчики Туюновцы, какъ бы по особенному мановенію, встали и отвѣсили глубокія поклонъ, и дружно произнесли по русски «спасибо». Наивно дѣтская улыбка и какое то особенно пріятное расположеніе духа

неоставлявшія ихъ даже и послѣ собранія очень явно говорили насколько они тронуты и безконечно благодарны за выраженное имъ Архипастыремъ вниманіе.

Около 5 ч. вечера я простился съ Туонакцами и переѣхалъ въ слѣдующее ближайшее селеніе «Чубутну», гдѣ надлежитъ мнѣ напутствовать св. Тайнами нѣсколько человѣкъ больныхъ.

13. Въ 8 ч. утра исповѣдывалъ и напутствовалъ св. Тайнами трехъ мужчинъ и одну женщину. Изъ Чубутну держу путь въ «Гопа», гдѣ предстоитъ мнѣ окрестить троихъ дѣтей, — а оттуда въ Sunrise для закупкѣ медикаментовъ для братской аптеки. Но въ эти послѣднія мѣста путь мой былъ крайне неудаченъ; помѣхой были сильныя вѣтра. Въ Кенаѣ возвратились 23 Іюля.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо въ Редакцію.

Позволяю себѣ сообщить читателямъ «Амер. Прав. Вѣстника» объ одномъ скромномъ дѣлѣ, интересующимъ насъ, православныхъ сербовъ Америки.

Въ маленькомъ городкѣ Джаксонѣ въ шт. Калифорніи выстроена въ 1894 г. и освящена въ честь св. Саввы Сербскаго небольшая (на 300 душъ) каменная церковь, на кладбищѣ. Джаксонъ считался до 1897 г. важнымъ пунктомъ миссіи въ штатахъ Калифорніи, Орегона, и Вашингтона. Отсюда православный миссіонеръ ѣздилъ въ Канаду, Аризона и пр. мѣста. Въ настоящее время штатъ по содержанію въ Джаксонѣ священника и псаломщика раздѣленъ пополамъ и идетъ на содержаніе причтотвъ въ г. Сеаттлѣ и въ западной Канадѣ. Православные же сербы въ окрестностяхъ Джаксона въ числѣ 300 душъ съ женами и дѣтьми, не имѣя своего постоянного священника вѣрны моему духовному попеченію и я изъ С.-Франциско навѣщаю ихъ по четыре или пять разъ, а нѣко-

торыхъ только по разу, въ годъ.

Постоянныя просьбы простаго рабочаго сербскаго люда въ Джаксонѣ — дать имъ учителя для ихъ дѣтей; все болѣе возрастающая какъ здѣсь, такъ и въ С.-Франциско и въ другихъ мѣстностяхъ среди сербовъ нужда, бѣдность и сиротство побуждали меня какъ можно скорѣе привести въ исполненіе давно уже лелѣянную мысль устроить здѣсь такой домъ, гдѣ бы помѣщалась монашеская келья съ школою-пріютомъ для нѣсколькихъ сербскихъ мальчиковъ. Хорошій климатъ, уединенность мѣста, сравнительная дешевизна жизни и единоплеменность жителей, прямо указывали на Джаксонъ какъ на самое подходящее мѣсто для такого начинанія. Много утѣшало и помогало въ семь дѣлъ архипастырское благословеніе Пресвященнѣйшаго Тихона.

Въ прошломъ году Джаксоновскимъ сербамъ удалось купить участокъ земли подлѣ ихъ церкви; земля эта находится отдѣльно отъ кладбищенской, купленной еще въ 1893 году. Покупка совершилась почти исключительно на ихъ усердныя жертвы. Теперь уже и контрактъ на постройку дома данъ и самая стройка подвигается впередъ.

Трудное начало и Господь видимо благословилъ: отъ сербовъ до сихъ поръ собрано паличными: двѣсти семьдесятъ долларовъ; отъ Епархіальнаго Начальства сто пятьдесятъ долларовъ и получено пожертвованіе отъ одного американца, епископальнаго ученаго священника, живущаго въ одномъ восточномъ штатѣ, сто долларовъ. Этотъ послѣдній весьма уважаетъ нашу древнюю восточную святую православную Церковь и много разъ свидѣтельствовалъ предъ западнымъ ученымъ міромъ о величій и лѣпотѣ этой церкви. Будучи въ перепискѣ съ этимъ достойнѣйшимъ членомъ духовенства дружественной намъ епископальной церкви, я извѣстилъ его о нашемъ желаніи построить школу, просто въ перепискѣ, вовсе не думая просить у него

помощи. Онъ же, въ отвѣтномъ письмѣ распростивъ меня нѣсколько подробнѣе о характерѣ предпріятія, чрезъ нѣсколько дней прислалъ мнѣ сто долларовъ съ просьбою *принять ихъ на нужды перваго монашескаго скита православной церкви въ Джаксонѣ и Америкѣ* и при томъ еще просилъ нашихъ (грѣшныхъ) молитвъ о себѣ.

Однако же начало не конецъ. Итакъ, одинъ домикъ стоитъ 6500. Затѣмъ нужно еще на водопроводъ, на садъ и около него ограду 130 дол., на мебель, школьныя принадлежности и др. нужды 100 дол., всего 880 долларовъ. Но содержаніе братіи, — вотъ вопросъ! Есть надежда въ скоромъ времени послать въ Джаксонъ послушника-учителя. На его содержаніе Епархіальное Начальство общаетъ по десяти дол. въ мѣсяцъ. Въ настоящее время, пока производится постепенная уплата дома по постройкѣ немислимо собрать изъ мѣстныхъ средствъ для учителя болѣе чѣмъ по пяти дол. въ мѣсяцъ. На пятнадцать же дол. въ мѣсяцъ можетъ прожить только подвижникъ самоотверженный, и — слава Богу — нашелся такой человекъ! Есть еще на землѣ, и даже въ Америкѣ, такіе люди, которые готовы на труднѣйшій подвигъ для славы церкви Христовой! И среди читающихъ эти строки найдутся такіе. И такихъ, способныхъ на монашеское послушаніе и на молитвенный подвигъ просимъ: заявите намъ, ваше и нашего спасенія ради!

Кончая свое письмо, считаю долгомъ объявить объ отрадномъ фактѣ: Его Королевское Высочество, Князь Черногорскій, также и Высокопреосвященный Митрополитъ Черногорскій, также и Высокопреосвященный Митрополитъ Сербскій принимаютъ къ сердцу положеніе въ Америкѣ насъ, своихъ одноплеменныхъ родичей, и слѣдятъ за каждымъ шагомъ нашего духовнаго просвѣщенія. Сами не будучи въ состояніи матеріально помочь дальнимъ, они радостно принимаютъ всякую вѣсть о пожертвованіи

въ пользу православныхъ школъ и на дѣло укрѣпленія простаго сербскаго народа въ духѣ ихъ славянскихъ праотцевъ-героевъ.

(сербъ) **Иеромонахъ Севастіанъ**
Членъ С. А. Дух. Палаты
С. Франциско.

Изъ путевого журнала священника К. Попова.

Поездка въ Wilton, N. D.

2/15 Юля утромъ я выѣхалъ изъ Миннеаполиса для посѣщенія галичанъ, живущихъ въ N. D. (порядъ Дакота) около Wilton. Въ 4 ч. веч. я прибылъ въ Bismark (435 миль отъ Миннеаполиса). Отсюда поездъ въ Wilton (30 миль) идетъ лишь разъ въ день—въ 8 ч. у. Нужно было ждать.

На другой день въ 11 ч. у. прибылъ въ Wilton. Wilton—городокъ еще новый, имѣетъ едва десятокъ домовъ. На вокзалѣ никто меня не встрѣтилъ. Близъ вокзала я увидѣлъ какого-то человѣка съ возомъ. Спросилъ его, не знаетъ ли онъ кого либо изъ галичанъ. Спрошенный самъ оказался галичаниномъ и узнавъ, кто я, сказалъ мнѣ, чтобы я подождалъ на вокзалѣ и что скоро за «скондзомъ» придетъ «фира» (возъ фермерскій). Минуть черезъ 15 на вокзалъ пришелъ какой-то человѣкъ, который и оказался пріѣхавшимъ за мною галичаниномъ Р. Вивсяникомъ. Поехали къ нему на ферму (6 миль отъ Вилтонъ). Дорогою Вивсяникъ разсказывалъ о своемъ житиѣ. По его словамъ около Вилтонъ живутъ болѣе 30 семействъ галичанъ-уніатовъ и 3 семейства буковинцевъ православныхъ. Они поселились здѣсь года 2—4. Получили даромъ по 160 акровъ (гомстадъ). Земля плодородна и легко ее обрабатывать. На заработки тоже не жалуются. Жалуются лишь на то, что за 4 года не видѣли русскаго священника. Исповѣдались и крестили дѣтей у священника польскаго и лютеранскаго въ Бисмаркѣ. Далѣе, Вивсяникъ говорилъ, что они изъ газеты «Просвѣщеніе» узнали, что есть унія и какъ она была введена обманомъ и насиліемъ. Да и въ старомъ краю многіе изъ нихъ недалеко жили отъ русской границы, нерѣдко бывали въ Россіи, посѣщали православные храмы и убѣдились, что православіе—не какая нибудь чуждая имъ «москальская» вѣра, а вѣра ихъ отцевъ, вѣра истинно-православная.

Пріѣхали на ферму Вивсяника въ одинъ часъ дня. Часамъ къ 4 стали приходять соседніе фермеры-галичане. Бесѣдовали съ уніи и православіи. Почти всѣ прішедшіе оказались достаточно ознакомленными съ православіемъ и искренно желающими принять его.

Въ 6 ч. вечера отслужена была вечерня и утренняя. Потомъ исповѣдалось 10 человѣкъ.

4 Юля. Съ 8 ч. у. стали собираться галичане, желающіе принять православіе. Исповѣдалось 22 человѣкъ. Предъ литургіею сказано было поученіе—указано было происхожденіе уніи, отличие ея отъ православія и т. д. Потомъ совершенъ былъ чинъ присоединенія къ Православію. Присоединилось 26 человѣкъ.

Послѣ литургіи совершено было крещеніе 2 младенцевъ и муропомазано 11 дѣтей, крещенныхъ въ церкви католической и лютеранской. Было уже три часа дня, когда галичане стали расходиться по домамъ. Предъ отходомъ бесѣдовали о постройкѣ часовни, порѣшили съ этимъ дѣломъ подождать, когда около Вилтонъ православныхъ будетъ больше.

5 Юля. Рано утромъ пріѣхало изъ Бисмаркѣ нѣсколько галичанъ, желавшихъ принять православіе. Они были въ Бисмаркѣ на работѣ и не могли пріѣхать вчера, такъ какъ поздно получили письмо о моемъ пріѣздѣ. Въ 7 ч. у. отслужена была утренняя. Потомъ 6 человѣкъ исповѣдались и были присоединены къ православнои церкви. Литургія окончилась въ 11 часовъ. Часовъ въ 12 выѣхали въ Вилтонъ, оттуда черезъ Бисмаркѣ и Winnipeg Junction я просѣдовалъ въ Канаду.

31 Юля, 1901 г.

Лорелльскій холмъ.

Настоящему бѣглому очерку принадлежать минуты, проведенныя мною на лучшемъ американскомъ кладбищѣ въ С. Франциско.

Въ вторникъ Троицной недѣли—обычный день поминовенія православной церковіи своихъ отшедшихъ ко Господу покойниковъ,—проѣздомъ отъ взморья, около Лорелльскаго холма вышелъ я изъ вагона и углубился въ аллею этого богатаго некрополя.

Видѣлъ я и хорошо знаю такія кладбища, какъ Аскольдова могила, Выдубицкое, всѣ Лаврскія, Соловецкое, Братское въ Севастополѣ; многія восточныя усыпальницы Палестины, Сиріи, Авона, Египта, чудный Каневскій погостъ на Дибирѣ; царственныя гробницы Петропавловскаго и Архангельскаго собора, и мнѣ все это захотѣлось сравнить съ американскимъ кладбищемъ богатаго, сиюющаго непрерывной весной, приокеанскаго города.

Обошелъ я Лорелль отъ края до края. И да будетъ мною прощено жестоко слово: надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ лежитъ мрачное облако забвенія, отчужденія и какого то неодолимо чувствуемаго холоднаго дыханія врывающейся струи безвѣрія. Все пространство около двухъ съ половиною квадратныхъ миль сплошь засѣяно и застроено разнообразными памятниками. Эпиграфи-

ческая и эпитафійная сторона дѣла, настолько колоритная въ Россіи, тутъ менѣе характера, чѣмъ болѣе крупное письмо, которое усвено формой избранныхъ монументовъ. Въ числѣ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе сусальнѣ вызолоченный олень—сохачь, въ полтора раза выше натуральной величины, воздвигнутый надъ какимъ-то членомъ распространеннаго въ Америкѣ общества «Elk»; попадаются надъ могилой безвременно угасшей супружеской четы цѣлующіеся клювами голуби, на подобіе весьма немудреныхъ издѣлій уѣздной кондитерской: высятся надъ нѣкоторыми денежными арстархами прежнихъ золотыхъ калифорнійскихъ дней цѣлыя пирамиды почти Дашаурскихъ размѣровъ и кладки этого плана; часты тевтонскіе склепы съ такими тяжелыми заклепами и верейми, что внушаютъ ужасъ относительно ревнивой охраны таѣннаго вещества подобными громоздкими затворами; не мало надъ могилами совсѣмъ неискренно придуманныхъ палокъ съ шариками, понастроена масса каменныхъ и гипсовыхъ изсѣченій разнообразнѣйшихъ формъ и измышленій; но преобладаютъ надъ всѣмъ простыя заспиченныя доски, на подобіе турецкихъ каменныхъ плитъ знаменитаго Скоттарійскаго кладбища въ Константинополѣ. И при всемъ этомъ удивительномъ разнообразіи надгробій, непросто тельно отсутствуетъ, за весьма лишь рѣдкими исключеніями, спасительное знаменіе креста Господня. При взглядѣ на Лорелль, невольно спрашивается: чему вѣрвали пришельцы и населенцы этого мертвого поля, когда они покоятся—кто подъ копытами оленя, кто подъ плитой, изрѣзанной массонскими треугольниками и др. таинственными линиями, или просто подъ сметающимъ всякую крупинку вѣры и упованія креегранесіемъ выхваченнымъ изъ мрачно стоическаго, склоннаго ко самоуничтоженію, буддизма?

Чего, затѣмъ, безсознательно такъ боится тѣ покойники, которые затворились въ свои гранитно-бронзовые казематы, неистигнимо твердаго, блиндированнаго устройства, съ засовами и кольцами, гарантирующими долгій, но не вѣчный, герметическій покой? Неужели вся эта кустодія изъ мраморныхъ пригъ и стальныхъ тяжестей, не осѣненная спасительнымъ символомъ христіанской вѣры, есть молчаливый протестъ противъ воскресенія, измѣненія, по Апостолу, нашего тѣла, къ страшному предстательству во второмъ пришествіи Христа предъ нелицемернаго Судію, устроющаго тогда Свое вѣчное царствіе?..

Въ такомъ, болѣею частью, необдуманномъ порядкѣ, залегли на холмѣ Лорелль богачи, имѣвшіе возможность по смерти заявить о своемъ неразсудительномъ вкусь.

Бѣдняковъ тутъ хоронятъ много проще. Для ихъ покоища вынимаютъ кубъ сажень песку и на дно этой

выемки кладутъ сырой трупъ успокоившагося отъ живыхъ насущныхъ заботъ труженника; такъ что выходитъ—внизу прахъ; по бокамъ скрипучій калифорнійскій песокъ, и наверху опять таки ничего, кромѣ безформенной насыпи, легко изглаждаемой и возметаемой неровными порывами приморскаго вѣтра.

Какая общая и простая притча брэннаго бытія!

Заодно съ прочимъ поражаетъ на Лорелль отсутствіе посѣтителей. Я замѣтилъ кучку погребавшихъ—самыхъ необходимыхъ при обрядѣ людей и встрѣтилъ нѣсколькихъ сторожей. Существующій въ Америкѣ праздникъ «Decoraton» имѣетъ болѣе характеръ патристическій, и тогда установлена отдача почестей лишь героямъ военнаго поля, а все прочее, что связано съ отдаленіемъ отъ христіанства, и православія въ частности, такъ тутъ грустно, какъ въ іудейскомъ талмудизмѣ, переполненномъ всякими предосторожностями ритуала очищеній и нескрываемой некрофобіи.

Послѣ того, что схватилъ глазъ въ первыя минуты посѣщенія холма Лорелль, дальше нечего было наблюдать.

Я уединился подъ сѣнью грота земли, откуда открывался ласкающій видъ на дальнюю точку, совсѣмъ оторванную отъ здѣшняго метваго поля; тихо шептали весенніе листья; задумчиво колыхались колоды высокаго ковыля съ поспѣвающими вылетами своего цвѣту; натрѣтый воздухъ и плывущія сверху облака казались самыми замѣтными точками движенія этого уединеннаго уголка. Я весь отдался углубленному созерцанію чуднаго мѣста и нѣсколько чуждыхъ его обычаевъ и понятій. Грустно какъ то и обидно становилось за эту стертую память вѣчной жизни. Всѣ почти Лорелльскія танги, казалось, единогласно говорили о глубокой тайнѣ бытія словами разочарованнаго римскаго поэта времени упадка: *Unde superbit homo, cujus conceptio casus vel culpa, labor vita et necesse est mori?*.. Ничего утѣшительнаго, если бытіе такъ скудно, выводы о немъ такъ безнадежно кратки, опускаясь лишь до извѣстнаго совѣта дышать всѣми живыми жабрами, жечь свѣчу жизни съ двухъ концовъ, и потомъ на вѣки заснуть подъ камнемъ, коимъ мѣтять, по нашему вкусу, послѣднюю дверь нашего исхода..

Невольно мнѣ вспомнилось кладбище въ далекомъ родномъ селѣ, гдѣ покоится моя мать, предки и дорогие знакомые, со всѣми элегично-поэтическими, умиротворяющими душу отбѣнками, звуками и чувствами этого мѣста. Дорогія воспоминанія тѣснились тысячею образовъ предъ скудною дѣйствительностью. Надо всѣмъ облегалo чуждое обаяніе празднественныхъ дней свѣтлой седмицы и чудесной памяти побѣдителя сошествія Спаса Жизнодавца въ узлище поправной смерти, съ ликующею проповѣдью богоноснаго востанія—источникъ нашего воскресенія.

II.

Не легко, должно быть, умирать сыну православной церкви и русской земли въ далекой Америкѣ, подумалъ я въ слѣдующую, затѣмъ, очередь одолевшихъ размышленій.

Не дальше, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ одномъ юномъ, шумномъ приокеанскомъ городѣ на Pacific, повстрѣчалъ я простой прочно закупоренный гробъ, на возглавіи коего были написаны полныя для меня глубокаго значенія и неожиданности два слова: Russia, Odessa.

То была печальная посылка далекой моей родинѣ. Тяжелый этотъ челнокъ съ безмолвнымъ своимъ путешникомъ долженъ былъ вскими путями пройти по поверхности земли и моря свыше двадцати пяти тысячъ верстъ изъ Юконскаго Эльдорадо

Городъ Довсонъ, откуда онъ слѣдовалъ, какъ значилось по корабельнымъ бумагамъ, въ полномъ смыслѣ слова, до открытія Cape Nome, —вольная каторга и самый ошенебельный пунктъ съ образцовой кузницей золота. Въ арктической глуши и полномъ бездорожьѣ лежитъ это мѣсто, но свѣтъ, больше чѣмъ четыре года, знаетъ посѣщаетъ и чувствуетъ его самыми теплыми своими надеждами.

Бросился и нашъ землякъ туда. Люди охотно просятъ золота.

Но... представляется тяжелая картина надорванной жизни въ далекомъ краю, можетъ быть, даже у ближняго берега радужныхъ надеждъ...

Довсонъ—страшное мѣсто. Зима лютая: камни трескаются отъ холода, лѣто мучительное отъ духоты и нездоровой влаги. Прочіе мѣсяцы безъ среднихъ переходовъ температуры. Строенія и жилья въ этомъ «городѣ палатокъ», напоминающихъ «черные шатры Кидара», очень мало. Кругомъ много золота, но далеко нѣтъ всего того, что можно купить за золото. Но гдѣ худо жить, не легко тамъ и умирать. При томъ и смерть то всегда приходитъ не первой нашей посѣтительницей, высылая часто предъ собой еще болѣе страшныхъ гонцевъ вѣстниковъ, каковы нужда, болѣзнь и великая безпомощность...

До смерти на золотыхъ холодныхъ поляхъ можно многое предположить изъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ человѣческихъ лишеній. Все это помню, мелькнуло у меня въ умѣ, при послѣднемъ прощальномъ взглядѣ на далеко путешествующій гробъ. Мирно почіеть въ немъ пришлецъ труженникъ или страдалецъ, когда послѣ его трудовъ, худой нищи, болѣзни, добрая дружеская рука, или еще вѣрище артель, оплаченная крупицами тягостно добытаго золота, снарядила сырой тяжелый гробъ, отправила его чрезъ спѣшные хребты, глубокия озера къ Скагвейскому выходу въ Великій Океанъ,

чтобы дальше уже болѣе покойнымъ путемъ направить его въ Россію.

Умеръ, значитъ, не бѣглець, а труженникъ и добрый вѣрный сынъ родной земли, чувствовавшій къ ней любовь навсегда... Для наблюденія и заключенія это фактъ весьма отраднѣй и многоговорящій, поворотивъ его стороною хоть къ вопросу о любви къ отечеству—или народной гордости, а наипаче же къ жаждѣ и чаянію упокоенія въ вѣрѣ и съ вѣрными.

Для американца, коего мы себѣ представляемъ въ общевстрѣчаемой теперешней и мѣстной окраскѣ,—шибаться глупо; просчитаться—нелѣзно; проигратъ, хотя случается, но ужасно не подходитъ; болѣть—хирѣть страшно; напиться—неблагонадежно, неприлично; но умереть—положительно столько же постыдно, сколько въ свое время необходимо. Мертвый американецъ—потерянный человѣкъ. Мертвыя американскія души ниже Чичиковской умѣренной таксы.

Комната, гдѣ умеръ американецъ, замуравывается на время ужасомъ неприкосновенности. Застывши, онъ, болѣею частью, лежитъ оставленнымъ. Въ сосѣдней комнатѣ ѣдятъ, пьютъ и все другое могутъ дѣлать, за вычетомъ лишь памяти о бездыханномъ сосѣдѣ.

Трудно дать другое объясненіе этому факту практическаго и непростительнаго равнодушія, кромѣ отсутствія углубленнаго религіознаго чувства.

Обыкновенно всю такую жуткую неприятную скорбь траурнаго дома разрѣшаетъ погребщикъ (ундертейкеръ). Носитель послѣдняго длиннаго имени—геній распорядительности. Онъ привычно и властно входитъ въ страшную комнату. Разрѣзавъ на закованномъ трупѣ одежду, онъ круглымъ серпомъ дѣлаетъ надрѣзъ на кожѣ, углубляется дальше остриемъ, проходитъ имъ вокругъ всѣхъ внутренностей, отбрасываетъ изъ безъ выбора между мѣстами «въ честь и не въ честь», и окончательно расправляетъ послушный его искусству трупъ. Дальше идутъ декоративныя работы: накладывается, прежде всего, манишка, потомъ передокъ жилета, фронтъ—фасъ сюртука, безъспинки и проч., тыльных незамѣтныхъ частей; подвязывается галстукъ, вставляется металлическая или цвѣточная бутоньерка, подфабриваются усы, всхохливается рывый котъ на головѣ; все вспырскивается нѣсколькими нажимами пульверизатора дешевой к. н. тонической воды, и послѣдняя жалкая жертва суетной моды вкладывается въ гробъ. Измученному прокустовыми операциями трупъ открываютъ стекаянное окошечко въ этомъ негостеприимномъ узилищѣ; прочее крѣпко завинчивается. Сіяющій учтивостью и чувствомъ исполненнаго долга ундертейкеръ, открываетъ двери въ смежную жилую комнату и, потирая руки, проситъ присутствующихъ тамъ—оказать честь его искусству. Въ весьма многихъ

случаяхъ этотъ господинъ очень вѣжливо освѣдомляется у родныхъ покойнаго объ его религіи. Если, вмѣсто прямого и скорого отвѣта, выходитъ какое нибудь затруднительное умолчаніе, ундертейкеръ, пріосанившись и принявши весьма значительное выраженіе, вынимаетъ изъ кармана протестантскій требникъ, поетъ, читаетъ и заразы цѣликомъ отиѣваетъ... Если похороны общаются быть благодарными, въ смыслѣ возмѣщенія всѣхъ предвидимыхъ и непредвидимыхъ сторонъ подобнаго ужаснаго обряда, ундертейкеръ произноситъ по запасному сборнику назидательное слово. Тутъ смерть и ея жало безсердечно и безжалостно бичуются, будучи трактуемы, какъ предметы весьма тревожной и расходно убыточной дѣйствительности. Родня и знакомые плачутъ отъ расстворенія и потери. Голосъ ундертейкера гнѣвно рокошетъ, потомъ на двухъ трехъ рекордахъ понижается назидательно слащавѣть, переходитъ въ самое воздушное пичикато и на какой то, никому неслышной сурдинѣ, совсѣмъ обрывается и замираетъ...

Подаютъ кареты. Если улицы свободны, лошади галономъ уносятъ живыхъ и мертвыхъ. Желтый песокъ прикрываетъ остальное. Потомъ выбираютъ или приду-

шиваютъ памятникъ. На немъ записываютъ какую нибудь узкую сентенцію, въ родѣ тѣхъ, какими иногда проштрафливался древній, въ расплохъ захваченный орაკуль: «гряди грядущее, когда погибло сущее», т. е. призываются на помощь прочему тѣ нѣсколько законныхъ дѣтъ, по истеченіи которыхъ погость обратится въ бульварное насажденіе и надъ часными гробами свободныхъ гражданъ зашумитъ ароматный зефиръ, заколышется цвѣточный кустъ или ракета, защелкаетъ веселая пташка, но куда не придетъ другъ памяти и молитвы... Этого то, думается, не хотѣлъ Довсонскій путникъ, направившійся въ Одессу.

Скорость и миръ твоему пути, грустная встрѣча, пока не отдадутъ тебя вѣрному покою родной земли! Ничего не можетъ быть дороже покойному нашей православно-вѣчной памяти!

Оставляя Лорелльскій холмъ, я душевно ему пожелалъ православно-благовѣстительнаго явленія горы Господней, въ чудномъ сіяніи ея вселенной спасительной правды!

І. Антоній.

ОФФИЦАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Увольненіе:

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго, отъ 21 іюля с. г. за № 393, Священникъ Филадельфійскаго прихода Д. Гебей увольняется съ 1-го Августа отъ службы въ Епархіи, по слабости здоровья для слѣдованія въ Россію. Катакаквинскій и Филадельфійскій приходы соединяются въ одинъ. Настоятелемъ Катакакво-Филадельфійскаго прихода назначается кандидатъ С.-Петербургской Дух. Академіи Іеромонахъ Евфимій.

Назначеніе:

Временно исполнявшій обязанности псаломщика въ Чикаго И. Граценъ назначается Его Преосвященствомъ и. д. псал. къ Ольдфордской церкви.

Присоединеніе:

Просвѣщена св. Крещеніемъ Елена Горденко 16 л. въ Кафедральномъ Соборѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: № 16. — *Нѣкоторыя наставленія почеркнутыя изъ книги премудрости Иисуса сына Сирахова.* — Митрополитъ Антоній о графѣ Толстомъ. — Мысли православно-епископа по прочтеніи новой исповѣди графа Л. Н. Толстого. — Путевой журналъ священника Иоанна Бортновскаго за 1900 годъ. — Письмо въ Редакцію. — Попѣдка священника К. Попова въ Вилтонъ. — Лорелльскій холмъ. — Офф. отдѣлъ.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.

Редакторъ Свящ. А. Хотовицкій.

В О З З В А Н І Е.

9-го мая текущаго года, въ день Святителя Николая Чудотворца, положено основаніе первому русскому православному храму въ г. Нью-Йоркѣ, посвященному памяти этого великаго Святителя. Слезы умиленія и радости блистали въ очахъ богомольцевъ въ ту минуту, когда Архипастырь Американской миссіи водрузилъ краеугольный камень будущаго храма и отъ лица всѣхъ вознесъ моленія къ престолу Всевышняго о благополучіи и благоденствіи нашихъ благодотворителей, откликнувшихъ на духовныя нужды православной Нью-Йоркской паствы и содѣлавшихъ своими лептами этотъ день навсегда незабвеннымъ для всѣхъ насъ....

И вотъ, воздвигаются нынѣ стѣны новаго храма... Но сколько еще впереди нужно ерадствъ, чтобы на этихъ стѣнахъ утвердились купола, чтобы засіялъ на нихъ православный крестъ и съ высоты храма раздался впервые въ этомъ громадномъ инославномъ городѣ, знакомый намъ съ дѣтства родной благовѣсть! Сколько потребно еще добраго вниманія и жертвъ благодотворителей, чтобы благолѣпіе озарило внутренность храма!..

На кого же надѣться, на кого уповать, какъ не на тѣхъ, кто, по милости Божіей, далъ намъ возможность и счастье начать святое дѣло!

Да не оскудѣетъ же въ сердцѣ нашемъ, благодѣтели наши, ваша любовь и отзывчивость! Пусть оно, растворенное состраданіемъ, и на далѣе будетъ открытымъ для нашихъ усердныхъ призывовъ и скорбныхъ моленій: помогите намъ довести до конца начатое, — да прославится Господь въ градѣ семъ усердіемъ вашимъ, да спасутся души ближнихъ вашихъ любовью вашей!

Предсдатель Комитета, Священникъ А. ХОТОВИЦКІЙ.

Способъ пересылки пожертвованій

Пожертвованія деньгами можно направлять чрезъ банкъ или по почтѣ. Для того, чтобы переслать деньги по почтѣ, надо въ любой почтовой конторѣ спросить бланкъ для перевода денегъ изъ Россіи въ Соединенные Штаты Америки. На этомъ бланкѣ противъ словъ: „Имя получателя“, надо написать въ первой строкѣ: „Священникъ Александръ“, а въ другой строкѣ: *Reverend Alexander*; Противъ словъ: „фамилія получателя“, надо написать въ одной строкѣ: „Хотовицкій“, а въ другой строкѣ: *Hotovitzky*. Противъ словъ: „Мѣсто назначенія и подробный адресъ получателя“, надо написать: г. Нью-Йоркъ, 323 второе Авеню., а потомъ: *New-York 323 Second avenue*; Противъ словъ „Графство“ и „Штатъ“, надо писать: Нью-Йоркъ, а потомъ: *New-York*. Бланки выдаются бесплатно.

При этомъ, всѣхъ, кто переводитъ деньги по почтѣ, убѣдительно просимъ: немедленно послѣ перевода денегъ по почтѣ, написать въ особомъ письмѣ, закрытомъ или открытомъ: отъ кого и на какой предметъ переведены деньги и обозначить свой точный адресъ, чтобы мы могли увѣдомить, о полученіи денегъ; и такое письмо просимъ послать по слѣдующему адресу: Сѣв. Америка, г. Нью-Йоркъ, священнику А. Хотовицкому, *323 Second Avenue, New-York N. Y. Rev. A. Hotovitzky*.

Всѣ пожертвованія вещами просимъ направлять по адресу: С.-Петербургъ. Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ, для Нью-Йоркской церкви.